

Ань Тун не упомянула, что это дело связано с Сюй Сянжу, поэтому староста Ань и Ли Цзиньсю не обратили на неё внимания. Они окружили её заботой и теплом, от чего у неё на глазах выступили слёзы.

Она чувствовала тревогу из-за того, что развитие событий совпадало с её прошлой жизнью, но только рядом с родителями она чувствовала себя в безопасности.

— Почему ты плачешь? — встревожился староста Ань.

— Ничего, — Ань Тун прижалась к Ли Цзиньсю, капризничая.

Увидев, что Ли Цзиньсю осталась с Ань Тун, староста Ань вышел. На его лбу залегли морщины, выражая лёгкую тревогу. Он действительно беспокоился о болезни Ань Тун...

Сюй Сянжу, дождавшись, когда он выйдет, подошла к нему:

— Староста.

Староста Ань взглянул на неё:

— Сегодня это ты принесла Тун на спине, верно? Спасибо!

Сюй Сянжу покачала головой:

— Я тоже виновата в том, что младшая госпожа Ань сегодня упала в обморок.

Староста Ань широко раскрыл глаза, в которых загорелся гнев:

— Ты хочешь сказать, что это ты виновата в её обмороке?

Сюй Сянжу на мгновение замаялась, затем рассказала старосте Ань всё. Как бы то ни было, она больше не могла скрывать, что Цзян Чэнъянь испытывает недовольство Ань Тун. Цзян Чэнъянь уже начал действовать против семьи Сюй, так зачем ей беспокоиться о том, что семьи Цзян и Ань из-за этого поссорятся и втянут в это семью Сюй?

Что касается отношений Цзян Чэнъянь и Шао Жу, она считала, что раз Ань Тун уже знает об этом, то лучше, если она сама расскажет старосте Ань, поэтому больше ничего не добавляла.

Выслушав Сюй Сянжу, староста Ань пришёл в ярость. Неужели Ань Тун в глазах Цзян Чэнъяня была настолько недостойной? Если так, то почему семья Цзян всё ещё держится за эту помолвку?

Как бы то ни было, он ни за что не позволит Ань Тун выйти замуж в семью Цзян!

Что касается Сюй Сянжу...

— Как ты узнала об этом? — спросил староста Ань.

Часть причины, по которой Сюй Сянжу долго молчала, заключалась именно в этом. Она не могла сказать, что Цзян Чэнъянь сам пришёл к ней и рассказал всё это. Ведь она сама ещё не поняла, зачем он это сделал.

Теперь, когда она рассказала старосте Ань, она больше не стала уклоняться:

— В тот день господин Цзян неожиданно пришёл ко мне, и мне показалось, что он хотел о чём-то спросить. Однако, после того как он рассказал всё это, пришла младшая госпожа Ань. Я не знаю, зачем он рассказал мне всё это, и не знаю, какова была его цель. К тому же, это лишь мои слова, у меня нет доказательств, и я не могла просто так рассказать это другим.

Староста Ань погладил подбородок и кивнул:

— Действительно, наше впечатление о Цзян Чэнъане было очень хорошим. Если бы ты внезапно сказала нам, что он такой, я бы тебе не поверил, а подумал бы, что у тебя есть свои цели.

Его прямолинейные слова на мгновение оставили Сюй Сянжу без ответа. Наконец, она спросила:

— Теперь староста верит мне?

— Не полностью, — ответил староста Ань. Половина его доверия основывалась на том, что в прошлый раз в Восточной Заводи Цзян Чэнъань позволил своему другу оскорбить Ань Тун. После этого староста Ань и Ли Цзиньсю начали подозревать, что у Цзян Чэнъаня есть другая сторона.

Слова Сюй Сянжу лишь подтвердили его подозрения, но он всё ещё не понимал, зачем Цзян Чэнъань рассказал это Сюй Сянжу, поэтому не мог полностью поверить.

— Почему ты решила рассказать об этом сейчас? — снова спросил староста Ань.

Сюй Сянжу замолчала, а затем сказала:

— Потому что после последнего разговора с господином Цзян он, кажется, остался недоволен и подставил моего отца... — она сделала паузу, — Хотя в этом есть и вина моего отца, но я думаю, что обычный человек вряд ли смог бы избежать этой ловушки.

Староста Ань согласился:

— Сюй Сань действительно легко поддаётся манипуляциям. Так чего ты хочешь? Семья Ань...

Сюй Сянжу решительно ответила:

— Пусть это будет уроком для моего отца, чтобы он исправился и изменился. Остальное — это дело нашей семьи, мы сами разберёмся.

Староста Ань был впечатлён. Такой бесхарактерный человек, как Сюй Сань, смог воспитать такую сильную дочь!

Ань Тун уснула, и Ли Цзиньсю подошла к старосте Ань:

— Что сказала младшая госпожа Сюй?

Староста Ань рассказал ей всё, и Ли Цзиньсю прищурилась:

— Наконец-то я поняла, почему Тун потеряла сознание. Она всегда не хотела выходить замуж за Цзян Чэнъаня, и мы сначала не понимали почему, думали, что она просто относится к нему как к старшему брату. Но теперь ясно, что она столько претерпела!

Семья Ань и Цзян дружили десятилетиями, и даже если Ань Тун и Цзян Чэнъянь иногда ссорились, всё всегда заканчивалось примирением.

Староста Ань и Ли Цзиньсю считали, что Ань Тун не любит Цзян Чэнъяня, но, по крайней мере, относится к нему с уважением, как к старшему брату или другу, и никогда не нарывалась на конфликт. Но оказалось, что Цзян Чэнъянь втайне так о ней думал, и её наивная и чистая душа не могла с этим смириться.

Поэтому они решили больше не упоминать об этом перед Ань Туном, надеясь, что со временем она забудет об этом.

— А что насчёт семьи Цзян? — снова спросил староста Ань.

— Хм, они получают выгоду от семьи Ань, но ещё хотят урвать себе больше! Такого не будет! — сказала Ли Цзиньсю.

— В прошлый раз, когда мы пересматривали договоры с арендаторами, это уже вызвало их настороженность. К тому же, при перевозке зерна на север нам придётся использовать водный путь, а они сговорились с местными властями, так что могут устроить нам проблемы.

— Я не буду действовать опрометчиво, — сказала Ли Цзиньсю. — Но эту помолвку нужно как можно скорее разорвать. Если нет благоприятного момента, то будем тянуть время, сколько сможем.

Пока супруги обсуждали свои планы, Ань Тун проспала час и снова проснулась.

На этот раз ей не снились кошмары, и, проснувшись, она почувствовала себя лучше, а тревога немного утихла.

К тому же, чего ей бояться? Даже если из-за неё Цзян Чэнъянь и Сюй Сянжу не смогут быть вместе, пока Сюй Сянжу не держит на неё зла, у неё ещё есть шанс противостоять судьбе, написанной автором. А Цзян Чэнъянь всё равно должен был умереть, так что ей не нужно беспокоиться о нём.

Однако она всё ещё чувствовала несправедливость, не желая позволить автору играть своей судьбой, поэтому в её сердце оставалась решимость.

С этими мыслями она снова выбежала из дома и направилась к семье Сюй.

Придя к дому Сюй, Ань Тун заметила, что соседи, включая тётю Ци, собрались в доме и о чём-то громко разговаривали.

Подойдя ближе, она услышала, как кто-то отказывается от чего-то, и, присмотревшись, увидела связки медных монет.

— Деньги, которые нам нужны, мы, конечно, не отдадим, но это лишние, так что возьмите эти несколько связок!

Связка монет считалась за «сто монет», то есть сто медных монет, связанных вместе. Однако из-за нехватки монет власти обычно считали 77 монет за связку. Но для такой богатой семьи, как семья Ань, в ходу были ассигнации или разрозненные монеты в кошельках.

Тётя Ци говорила о нескольких связках, что в сумме составляло один гуань.

Один гуань по сравнению с долгом Сюй Сань в пятьдесят гуаней был каплей в море, но, тем не менее, соседи не могли смотреть, как госпожа Ван из семьи Сюй продаёт своё имущество.

Хотя многие сочувствовали Сюй Саню, все знали, что семью Ма лучше не трогать, поэтому тех, кто призывал Сюй Саня добиваться справедливости, было мало.

Сюй Сань также не осмеливался обратиться в суд, ведь он знал, что это дело связано с Цзян Чэнъанем:

После того как его проучили в семье Ма, он попытался обратиться к Цзян Чэнъаню за помощью, но тот не только не поддержал его, но и разозлился. Именно тогда он понял, что его проигрыш лишил Цзян Чэнъаня выгоды, и тот был в ярости.

Сюй Сань не мог найти слов. К счастью, госпожа Ван не бросила его и отдала всё, что у них было, включая приданое Сюй Сянжу, и в итоге собрала более тридцати гуаней.

Однако с этого момента семья Сюй действительно оказалась в нищете, и даже можно сказать, что они погрязли в долгах. Когда тётя Ци и другие соседи давали ему деньги, они ругали его, но он не смел возражать, ведь что, если они перестанут давать ему деньги?

Он очень сожалел и тайно поклялся больше никогда не доверять детям из богатых семей, ведь они оказались такими коварными! Они играли с ним, как с обезьяной! За последние несколько месяцев он заработал меньше, чем сейчас потерял!

Госпожа Ван не хотела брать деньги от тётя Ци и других, ведь она знала, что долг вряд ли удастся вернуть за год или два, и чувствовала себя виноватой. Но они были так искренни, что отказываться было бы лицемерием.

После некоторых уговоров деньги всё же были приняты госпожой Ван.

<http://bllate.org/book/16381/1482543>